

С О О Б Щ Е Н И Я

Л. П. ПОТАПОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ ТУВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ¹

Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция была организована в 1957 г. для исследования этногенеза современных тувинцев и изучения истории Тувы.

Как известно, Тувинская Народная Республика, возникшая в результате Великой Октябрьской социалистической революции, в 1944 г. добровольно вступила в состав Советского Союза. Благодаря этому в отсталой прежде Туве стали быстро развиваться социалистическая экономика и культура. Коренным образом меняется древний кочевой быт тувинцев, основная масса которых перешла на оседлость. Быстрый рост культурного уровня тувинского народа выдвинул ряд специальных научных задач, к решению которых требовалось привлечь внимание центральных научных учреждений, в частности отдельных институтов Академии наук СССР. Одна из таких задач — необходимость ответить на вопрос о происхождении тувинского народа, а также принять участие в исследовании истории Тувы. Эту задачу взял на себя Институт этнографии АН СССР. Откликаясь на просьбу тувинских советских и партийных организаций, институт организовал Тувинскую комплексную экспедицию.

Проблема этногенеза тувинцев является частью более обширной проблемы этногенеза тюркоязычных народов Центральной Азии; с этим связаны более частные вопросы происхождения ряда тюркоязычных народностей СССР, например: казахов, киргизов, уйгуров, а также алтайцев, хакасов и других народностей Саяно-Алтайского нагорья.

Автор настоящего сообщения взял на себя исследование сложной проблемы этногенеза тувинцев и разработку некоторых вопросов истории Тувы в значительной мере потому, что считал себя до известной степени подготовленным к этому своими предшествующими многолетними исследованиями по истории этнографии алтайцев, хакасов и шорцев. Перечисленные народы Алтае-Саянского нагорья являются ближайшими соседями тувинцев, имеющими много общего в этнической истории, связанной историческим процессом, протекавшим за последние полторы тысячи лет в восточной части Центральной Азии.

Экспедиция работала в течение двух летних полевых сезонов (1957 и 1958 гг.) в труднодоступном и наиболее отдаленном высокогорном районе Тувы — Байтайгинском². Южная часть его носит название Монгун-Тайга, а северо-западная — Кара-Холь, по имени озера, находящегося в верховьях р. Алаша — левого притока Кемчика. Эта крайняя западная часть Тувы является пока наиболее отсталой в экономическом и культурном отношении по сравнению с ее центральными районами. В этнографическом и археологическом отношении этот район, граничащий с территорией расселения монголов-дербетов, алтайцев и хакасов, никем не был изучен. Это обстоятельство в известной мере определило выбор его для начала полевой работы. Результаты показывают, что выбор вполне себя оправдал. Но прежде чем сообщить о некоторых итогах полевого исследования, нужно сказать несколько слов о том, как строилась этнографическая и археологическая работа экспедиции.

¹ Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института этнографии 11 апреля 1959 г. во время археолого-этнографической сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященной итогам и перспективам экспедиционных работ.

² В состав возглавляемой мной экспедиции в первые два сезона полевой работы входили младшие научные сотрудники Института этнографии А. Д. Грач и В. П. Дьяконова, а также научный сотрудник Музея этнографии народов СССР П. И. Каралькин.

Этнографическая полевая работа была направлена на соби́рание данных по материальной культуре и хозяйству тувинцев, их домашнему быту, народным знаниям, искусству, верованиям. При этом, учитывая этническое окружение западных тувинцев, мы обращали особое внимание на соби́рание материала, имеющего этногенетическое значение. В области археологии, наряду с общим ознакомлением со всеми видами памятников, имеющих в данном районе, велось изучение тех из них, которые относятся к определенным крупным этапам этнической истории Тувы, например, к древнетюркскому времени. Особое значение придавалось исследованию поздних, так называемых впускных, погребений, относящихся к периоду XVII—XIX вв. Эти захоронения в каменных насыпях древних курганов отражают доламаистский, т. е. шаманистский, погребальный обряд. Поздние памятники вообще, как правило, не исследуются археологами, но для этнографии они дают очень много ценного материала. Эти археолого-этнографические памятники помогут нам характеризовать культуру и быт ближайших исторических предков современных тувинцев.

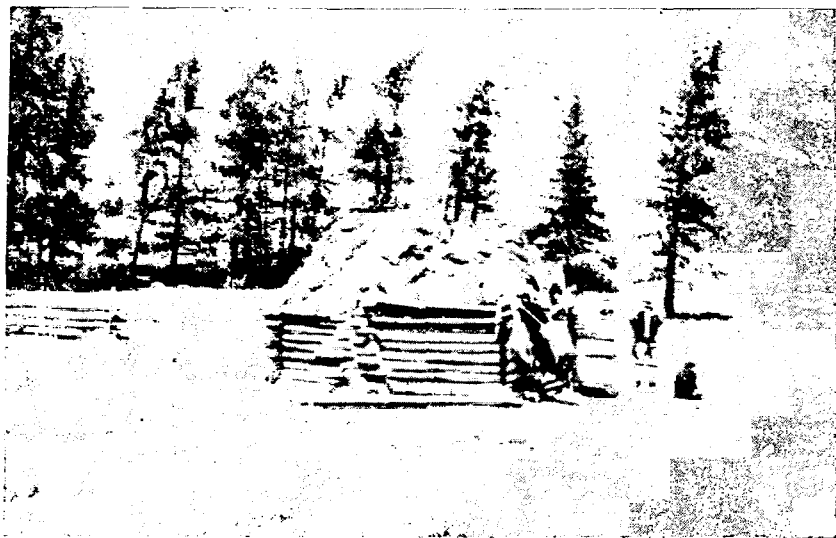

Рис. 1. Старинное шестиугольное жилище тувинцев — «чадыр»

Отмечу одну особенность профиля научных работников Тувинской экспедиции. Здесь каждый этнограф ориентируется в археологическом материале и принимает участие в его изучении, каждый археолог знаком с этнографическим материалом и участвует в его соби́рании.

В кратком сообщении нет возможности развернуть конкретный материал³, поэтому я попытаюсь показать частично то, что дает он для решения поставленной проблемы. Этнографические материалы свидетельствуют о сложном переплетении здесь тюркских и монгольских элементов и о генетической связи тюркских элементов культуры современных тувинцев с культурой и бытом различных древнетюркских племенных объединений, известных как по китайским источникам, так и по археологическим раскопкам в Туве. Возьмем основной тип жилища тувинцев досоциалистического периода, сохранившийся до наших дней, — войлочную юрту. Юрта эта монгольского образца, и вся терминология ее основных частей монгольская, однако называется она в целом древнетюркским термином «үг», зафиксированным еще в орхонских рунических надписях. В районе же Кара-Холя, отделенном от Монголии труднопроходимыми горами и соседящем с алтайцами и хакасами, войлочная юрта в целом называется как раз западномонгольским термином «терме». Но в Кара-Холе мы встретили также срубные шести- и восьмиугольные жилища, типичные для алтайцев-тубаларов, северных соседей карахольских тувинцев. Однако здесь эти жилища называют не современным алтайским термином «агаш аил», а «чадыр» (рис. 1), т. е. опять-таки словом, известным по руническим надписям, тогда как у современных алтайцев «чадыр» — это конический шалаш из жердей, крытый корой лиственницы. В Монгун-Тайге ориентируют дверь строго на восток, т. е. по-древнетюркски, а не по-монгольски — на юг. Именно вследствие этой устойчивой ориентировки жилища и постоянного размещения в нем предметов стало возможным исчи-

³ Этот материал в настоящее время подготовлен к публикации и составит первый том Трудов Тувинской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР.

сление времени дня летом у тувинцев в зависимости от того, какой предмет или часть юрты освещены солнцем. Подробное изучение всех видов жилища и его внутренней обстановки дает богатый материал не только для решения этногенетических вопросов, но и для истории культуры тувинцев, их историко-культурных связей с соседними народностями⁴.

В отношении одежды этногенетические признаки выявляются путем изучения покроя, типов швов, терминологии⁵. Для древних тюрков было характерно запахивание верхней полы одежды налево, а для монголов — направо. Любопытно, что когда Ки-мин (K'i-min), каган восточных тюрков, обратился в 607 г. к Суйскому императору Китая (которому тюрки в то время были подчинены) с просьбой разрешить им носить одежду китайского образца, император отказал, подчеркнув, что одежда тюрков по покрою и способу запахивания полы отличается от китайской и что это различие должно быть сохранено⁶. Кстати сказать, верхняя, с фигурным выступом, пола шубы «тодарлыг гон» (рис. 2) или халата современных тувинцев носит название

Рис. 2. Тувинец в зимней шубе «тодарлыг тон»

(от воротника до первого выступа) «улух-хой бажы» (большая голова барана); это говорит о том, что шкуру барана, которая шла для этой полы, при раскрое прикладывали головной частью к воротнику; пола эта носит тюркское название, хотя запахивается теперь на монгольский лад. Нами изучены отличия в одежде — девичьей и замужней женщины, особенности одежды вдов и вдовцов и др. Впервые обращено внимание на изучение типов швов. Выявлено десять швов, применявшихся при шитье одежды, обуви, кожаных изделий и т. д. и отражающих древнюю традицию. Знание этого материала поможет нам при сравнительном изучении одежды по различным районам Тувы и пригодится также при исследовании археологических находок, как раннего, так и позднего времени. Нельзя не обратить внимание на сохранение у тувинцев остатков древнетюркского обычая носить волосы распущенными, зафиксированного китайской летописью. Тувинские девочки до брачного возраста носили волосы распущенными, и только часть волос была заплетена в косичку, тогда как, например, у соседних алтайцев или монголов-дербетов девочке заплетали волосы в ряд мелких косичек. При этом, как уверяют тувинцы, у дербетов число косичек девушки соответствовало числу имевшихся у нее братьев. Носили и носят волосы распущенными и старухи.

Большой, пожалуй, исчерпывающий материал собран по видам молочной и мясной пищи тувинцев⁷. Здесь господствует тюркская терминология, хотя главный вид молочной пищи, кислое молоко, называется по-монгольски — «хойпак» (в отличие от тюркского «айран»). Способ приготовления хойпака и в Монгун-Тайге и в Кара-Холе —

⁴ Изучением жилища в экспедиции занимается преимущественно П. И. Каралькин.

⁵ Изучением одежды занимается В. П. Дьяконова.

⁶ Liu-Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Tu-küe), т. I, Wiesbaden, 1958, стр. 62.

⁷ Материалы по пище, свадебному обряду и семейно-брачным отношениям, по народным знаниям и народным верованиям, как и некоторые другие, собирались автором настоящего сообщения.

по монгольскому образцу: его делают из сырого молока, тогда как в других районах Тувы (например, по р. Хендере) можно встретить и турецкий способ приготовления хойпака — из вареного молока. Изучалась также растительная пища тувинцев (в частности, употребление диких съедобных растений). Само собой разумеется, что детальные описания жилища и домашней утвари, одежды, различных видов пищи, способов ее приготовления и консервации, сопровождающиеся подробной терминологией и иллюстративным материалом, явятся одним из основных источников для характеристики культуры и быта различных групп тувинцев в дореволюционное время и позволят определить этногенетические и исторические культурные связи и взаимоотношения тувинцев с различными окружающими их народами.

Впервые собирается подробный материал по свадебному обряду и семейно-брачным отношениям, терминам родства и свойства тувинцев. Старинный свадебный обряд, бытовавший во всех районах, где вела работу наша экспедиция, описан по расписному данному. Этот материал представляет большой интерес. Первый этап обряда — сватовство. Второй — закрепление намечаемого брака (по-тувински «тухтеп»), когда договаривались о времени свадьбы, после чего девушка могла принимать у себя жениха («кудээнин кужун көр» — буквально «смотреть силу жениха»), а ее родители и родственники готовили ей обязательный комплект имущества, с которым она потом отправлялась в дом мужа. Третий этап — свадьба (куда түшкен). Невесту привозят в аал жениха и устраивают однодневный свадебный пир. В каждом из этих этапов тувинской свадьбы содержатся интересные моменты обряда, в литературе не известные, которые дают возможность сделать важные выводы по истории тувинцев. Во время тухтепа, например, происходило «распознавание волос» — своего рода гадание: будет ли брак удачным. Жениха и невесту усаживали рядом, к ним подходил сзади один из родственников, соединял концы их косичек, расчесанных гребнем, зажимал в кулак и подносил к их глазам, предлагая обоим узнать волосы друг друга. Если им это удавалось, то считалось, что брак должен быть хорошим. После тухтепа просватанной девушке делали прическу замужней женщины (две косы), надевали накосное украшение замужних — «чабага» и соответственно меняли кольца, браслеты, серьги с девичьих на женские. Тогда же начинали готовить «приданое» (беер уругнун херек сели). В него входила новая войлочная юрта с полным комплектом домашней утвари, комплект одежды и обуви невесты, некоторое количество скота и семейные пенаты (эренн), которые невеста увозила из дома родителей. Юрту для молодоженов должны были делать родственники невесты; можно думать, что этот обычай отражает существование в прошлом у тувинцев матрилокального брака. При смене его патрилокальным и возник, как дань старой традиции, обычай везти новую юрту, сделанную родственниками невесты, в аал жениха. В день приезда свадебного поезда невесты в аал жениха, там устанавливали привезенную невестой юрту, разводили в ней огонь, добываемый огнивом одним из родственников жениха; в этой юрте и происходил свадебный пир. На другой день выполняли обряд «төрел», или «алганып беер». Невестка угощала родителей и других старших родственников мужа молоком, в результате чего с нее снимался запрет избегания этой категории родственников. Затем она «кугошала» молоком огонь и ставила чашку молока перед бурханами. После свадьбы, при отъезде родственников невестки домой, тесть давал ее матери корову, как «эмик каргажы» (буквально плата, или выкуп, «за грудь», точнее — за молоко матери, которым была вскормлена ее дочь). Спустя 3—4 года после свадьбы устраивался обряд изготовления семейных эреней, проводившийся шаманом, и с этого времени супруги имели собственных домашних охранителей.

Различные старинные обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка у тувинцев, также удалось описать довольно полно.

Еще более ценными и важными для истории культуры и этнической истории тувинцев являются материалы, собранные по некоторым разделам народных знаний, в частности по народному календарю и народным мерам длины. Обращает на себя внимание тождественность народных мер длины у тувинцев и киргизов при полном совпадении терминологии. Скажу здесь кратко о летнем суточном исчислении времени. Сутки разбиваются на следующие периоды (если вести счет последовательно с полуночи):

1. Түн ортазы	Середина ночи, или полночь
2. Тангар түне, или түн ортазы ертин турар.	Время от полуночи до начала рассвета
3. Танг бажы, или танг хаязы	Начало рассвета (когда чуть брезжит)
4. Танг аткан, или танг адар, а также чер черин келгин	Рассвело. Земля осветилась (сгало светло)
5. Хүн теген, Варианты: хүн тееп элеген; хүн чалып теер; хүн унун келир	Восход солнца. Солнце показалось
6. Пиче түш, или күн тушеди	Малый полдень (время от поднятия солнца над горизонтом до большого полдня; самое начало этого периода суток называют еще «хүн уүрлеп кельди» — солнце поднялось над горизонтом).

7. Улуг тўш	Большой полдень
8. Жеже, или жежеки тўш, а так-же тўш ерткен	Поздний (вечерний) полдень (солнце идет к вечеру)
9. Шокар кӧлзге. Хўн чўгү-рүнде керэ берген	Пестрые тени. Солнце бежит к горизонту, краски и тени все время меняются, пестрят
10. Хўн таг пажында	Солнце село на вершину горы
11. Кызыл хўн	Красное солнце (село за горизонт, за горами)
12. Хўн ашкан, или хўн ажып эгелен, хўн ажып тур, или орай-танг	Закат
13. Чарык имир	Светлые сумерки (период от заката до наступления сумерек)
14. Имир	Сумерки
15. Каран-имир	Темные сумерки («сылтыс четишкен» — звезды показались)
16. Пеже тўнэ; жежеки туни; тўн керген	Начало ночи, или вечерняя ночь, или приход ночи
17. Тўн ортазы	Середина ночи (полночь)

Приведу определение времени дня по предметам юрты, освещаемым солнцем через отверстие для выхода дыма. Это было связано с определением времени дня по солнцу вообще. Поэтому я приведу параллельную терминологию.

1. Танг адар	Рассвет (в это время женщины в юрте первыми поднимаются с постели)
2. Хўн харачага турды	Солнце стало на дымовой круг (харача) на куполе юрты; женщины приступают к доению скота, начиная с коров; это время утра называется вообще «хўн теген» или «хўн чалып теер» (см. выше), т. е. восход солнца
3. Хўн улунга турды	Солнце осветило жерди (улун, или уну) купола юрты (доение коров обычно уже заканчивается, доят овец; это время поднятия солнца над горизонтом — «хўн уўрлеп кельди», или начало малого полдня — «пиче тўш»)
4. Хўн хана бажында турды	Солнце показалось на «хана», верхушках решетки, составляющей круглый деревянный остов юрты; пастухи в это время гонят дойный скот от аала; это продолжение малого полдня
5. Хўн тўк ортузы турды	Солнце осветило середины кожаных сум (мешков с имуществом кочевников, стоящих в переднем углу юрты, против входа); скот под присмотром пастухов все еще удаляется от селения; продолжается малый полдень
6. Хўн сыртык бажында турды	Солнце вышло за «ноги кровати», женщины готово-подушку — «сыртык»; пастухи поворачивают скот назад по направлению к аалу» начинается большой полдень — «улуг тўш»
7. Хўн тӧжек ортузында турды	Солнце появилось на середине кровати; пастухи подгоняют скот к аалу, идут в юрты обедать
8. Хўн бут адаанда турды	продолжается большой полдень
9. Хўн элгирге турды	Солнце вышло за «ноги кровати» женщины готовятся к доению скота, привязывают телят и козлят к веревкам у места доения; пастухи подгоняют дойный скот к юртам; по времени суток — это «жежеки тўш», или тўш ерткен», поздний (вечерний) полдень
10. Хўн улунга турды	Солнце встало на «эльгир» (деревянные полки для посуды, находящиеся у двери направо от входа); женщины доят овец и коз; это приходится на то время, которое по солнечному исчислению суток называется «шокар кӧлзге» — пестрые тени, или «хўн чўгүрүнде керэ берген», т. е. солнце бежит к горизонту, к закату
	Солнце освещает жерди купола юрты, находящиеся у двери направо от входа; в это время начинается доение коров и сарлыков; за это время происходит закат солнца — «хўн ашкан», «хўн ажып тур», или «орай-танг», доение заканчивается с наступлением светлых сумерек — «чарык имир»; солнце из юрты уже ушло

Приведенное исчисление времени по предметам юрты, освещаемым солнцем, т. е. своего рода солнечные часы, практически применяли только летом, ибо зимой солнце заглядывало в юрту позднее и ненадолго и освещение им тех или иных находящихся в ней предметов было иным. Юрта и эти предметы могли служить солнечными часами только потому, что ориентация ее двери и расстановка в ней немногочисленной, но обязательной обстановки, тех или иных предметов домашнего быта, были постоянными и как бы обязательными (дверь юрты была обращена всегда на восток, следовательно почетная сторона, находящаяся против входа, ориентирована была на запад, полки с посудой стояли у двери направо от входа, стало быть на северо-восточной стороне юрты, и т. д.). Такое утверждение можно подкрепить ссылкой на практику пастухов. Когда летом пастухи находились за аалом на пастбищах, они при первой же надобности определить время чертили на земле план юрты и некоторые расположенные в ней предметы, по освещению которых определяется время дня.

Рис. 3. Гробница шамана. Кара-Холь

Посередине такого наскоро набросанного чертежа втыкали прутик или палочку и по тени, отбрасываемой ею на тот или иной предмет, определяли время, когда надо пригнать скот в аал для доения.

Перейду к материалам этногенетического значения, связанным с верованиями, и приведу несколько примеров. Интересны в этом отношении описания горных молений, проводившихся в этом районе Тувы до начала 1930-х гг. Они близко совпадают с горными молениями древних тюрков, о которых мы знаем из китайских летописных источников, и аналогичными молениями, изученными нами у хакасов и северных алтайцев. Особый интерес представляют обнаруженные нами деревянные гробницы шаманов в виде срубного домика с глухими стенами и двускатной крышей, стоящего на четырех толстых столбах (рис. 3). Внутри этот домик имеет два яруса: нижний, где на деревянном полу покоятся останки шамана в обычной одежде и полный комплект хозяйственного и бытового инвентаря, который считался необходимым покойнику в загробной жизни, и верхний ярус — настил, служивший потолком для нижнего яруса и полом для верхнего, где лежали шаманский бубен, колотушка, костюм и различные зрени (изображающие духов-помощников шамана). В литературе нет упоминаний о наземном захоронении шаманов в таких гробницах. Во время моих многочисленных поездок на протяжении более чем тридцати лет по Саяно-Алтайскому нагорью мне также ни разу не пришлось ни видеть такой гробницы, ни слышать о ней. Единственное упоминание о них я нашел в литературе о якутах. Местами якуты хоронили покойников, не являвшихся христианами, в аналогичных (по внешнему виду) гробницах. Нужно ли доказывать, какой интересный новый факт мы получили, принимая во внимание известные этногенетические материалы и исследования о якутах, в частности — об их древних связях с Саяно-Алтайским нагорьем.

Упомяну еще об обряде лечения шаманом больного у древних каменных изваяний, в большом количестве имеющих в Туве. По окончании обряда на каменную бабу вешали шнурок с цветными ленточками. Этим можно объяснить, почему на некоторых каменных изваяниях висели культовые ленточки. Такие ленточки можно

видеть на некоторых фотографиях, хранящихся в ГМЭ, сделанных исследователями (С. А. Теплоуховым и др.) в 1920-х годах. Исходя из описаний молений тувинцев и принимая во внимание устойчивость некоторых древних тюркских обрядов, можно найти здесь объяснение приводимых Низами сведений о том, что на половецкие каменные бабы вешали колчаны.

Собраны данные о внешнем виде шаманского бубна, об обряде его изготовления, ритуальном костюме шамана, записаны по-тувински обращения шамана к своим зрением и т. д. Особый интерес представляют также сведения об охотничьих обрядах и поверьях, о демонических существах — албасты и других, о почитании зверей и птиц, в частности о пережитках культа медведя, о некоторых магических приемах воздействия на погоду и лечения человека, о культе огня и т. п. Я не имею возможности в этом кратком сообщении дать хотя бы перечень собранных материалов, связанных с другими вопросами этнографического изучения тувинцев, например с их занятиями изобразительным народным искусством.

При характеристике итогов этнографического изучения тувинцев за первые два полевых сезона нельзя не упомянуть и о материалах по родоплеменному составу и топонимике, дающих особенно ценные факты для исследования проблемы происхождения тувинского народа. В указанных выше районах я нашел представителей таких родоплеменных групп, как орчак, кужугэт, караал, соян, телек и др. Первые четыре группы хорошо известны по русским историческим документам XVII в. Они кочевали в то время севернее Саян, в степях правобережья Оби, между Бией и Томью, и часто появлялись вместе с западными монголами, телеутами и енисейскими кыргызами под стенами Томска и Кузнецка. Близ Томска кочевали в начале XVII в. и мады, которые первыми из тувинских племен вступили тогда в состав Российского государства, а затем были удержаны Алтын-ханом за Саянами. Русские исторические документы XVII—XVIII вв. представляют собой исключительно ценный источник для выяснения этнического состава тувинцев в период подчинения их Алтын-ханам и Джунгарии: эти показания прекрасно согласуются с нашими этнографическими материалами по родоплеменному составу современных тувинцев. Что касается топонимики, то мне уже приходилось выступать в печати с сообщением о том, что именно в Туве я обнаружил комплекс древнетюркской топонимики, зафиксированной в тюркских рунических памятниках VIII в.⁸ Именно в Туве до сего времени сохранились древнетюркские названия хребта Отүкән, хребта Көгмен и находящегося рядом с ними хребта Кадырган. Значение этого материала для этнической истории тувинцев очень велико.

Таковы некоторые итоги этнографического изучения тувинцев в связи с проблемой этногенеза. Кратко остановлюсь также на некоторых итогах археологической работы.

Археологических раскопок в Монгун-Тайге и Кара-Холе до 1957 г. никогда не вели, хотя в отношении археологических памятников оба района являются весьма интересными. Обилие и разнообразие здесь типов памятников при их полной неизученности весьма осложняли выбор объектов для раскопок. Перед экспедицией стояла и продолжает стоять трудная задача характеристики и классификации археологических памятников, их точной датировки. Только проделав такую работу, мы превратим эти памятники в полноценный исторический источник для изучения этапов этногенеза и истории тувинцев по крупным периодам, связанным с общим историческим процессом, протекавшим в восточной части Центральной Азии.

На сотрудниках нашей экспедиции лежит большая научная ответственность прежде всего за правильное определение и датировку каждого раскопанного памятника, за превращение его в ценный научный источник. Это первоочередная наша задача. За два полевых сезона было раскопано 68 объектов, в том числе в Монгун-Тайге 58, в Кара-Холе — 7, в Чаахольском районе — 1, в Бай-Тайге — 2. По мнению А. Д. Грача, возглавлявшего работу археологического отряда, исследованные памятники можно разделить на следующие группы: памятники ранних кочевников — 18; памятники кочевников гунно-сарматского времени — 7; тюркского времени — 18 (в том числе 5 кенотафов и 5 поминальных оградок); поздние впускные погребения — 7. Приведу характеристику раскопанных памятников и их датировку, предложенные А. Д. Грачем. Различные типы раскопанных в Монгун-Тайге погребений отнесены им к кочевникам дотюркского времени на том основании, что погребенные были положены головой на запад (что касается инвентаря, то в могилах дотюркских кочевников его почти нет). Эти памятники дают следующие типы захоронений: скорченные погребения в грунтовых могилах под простыми каменными насыпями; погребение на горизонте в обкладке из уложенных плашмя плит под курганами «на платформах»; погребение на горизонте без обкладки (простые каменные насыпи); херексуры с прямоугольным и круглым ограждением и системой перемычек, выложенных из камней; погребения на горизонте под курганами в камерах из валунов. Палеоантропологический материал показывает преобладание европеоидных черт в антропологическом типе погребенных⁹.

⁸ Л. П. Потапов, Новые данные о древнетюркском «Ötükän», «Сов. востоковедение», 1957, № 1.

⁹ Осмотр и определение палеоантропологического материала ведет В. П. Алексеев.

Раскопки курганов древнетюркского времени дали такие типы погребений: погребение с конями; погребение с баранами; одиночное погребение воина без коня; одно погребение с трупосожжением. Погребенные ориентированы головой либо на восток, либо на север¹⁰. Инвентарь курганов: различные стрелы (в том числе боевые), берестяные колчаны, костяные накладки луков и седел, кинжалы, тесла, железные стремена, удила и пряжки от подпруг, костяная застежка от лошадиных пут, различные золотые и серебряные украшения и бытовые предметы, остатки одежды из китайских шелковых и из грубых шерстяных тканей, войлок, кожаные пояса с бляшками, меховые мешочки, керамика, деревянные изделия и т. д. В одном из курганов было найдено металлическое китайское зеркало с надписью¹¹. Это уже не первый

Рис. 4. Общий вид могильника у впадения р. Карасуг в Алаш

случай находки в Туве такого зеркала: в 1956 г. С. И. Вайнштейном в кургане древнетюркского времени (VII—VIII вв.) у с. Черби (Пай-Хемский район) обнаружены два куска такого зеркала с иероглифами. Антропологический материал из погребений древнетюркского времени также показывает преобладание европеоидных черт у погребенных.

Что касается памятников дотюркского и древнетюркского времени, раскопанных и частично разведанных на территории Кара-Холя, то здесь предлагается такая их группировка по внешним признакам: простые каменные насыпи скифского и гунно-сарматского времени; херексуры скифского времени с прямоугольным и круглым ограждением и выкладкой перемычек из камней; могилы в виде задернованных впадин (одна из них дала инвентарь, относящийся ко 2-й половине 1 тысячелетия н. э.); ритуальные памятники древнетюркского времени: а) каменные изваяния, б) каменные оградки со стенами и рядом камней балбалов, в) каменные выкладки, г) оградки со стенами внутри ограждения; кольцевые выкладки из валунов (как правило, из восьми).

Курганов с типичным погребением, относящихся к древнетюркскому времени, экспедиция в районе Кара-Холя не обнаружила. О насыщенности Кара-Холя археологическими памятниками можно судить по тому, что, например, в небольшой долине Карасуглуг, у впадения р. Карасуг в Алаш, на площади в один квадратный километр

¹⁰ Ориентировка головы покойника у кочевников древнетюркского времени, возможно, отражает ориентировку дверей жилища погребенного. Если исходить из известного представления о том, что курган или могила — это жилище покойника, то положение погребенного головой на север может означать, что юрта его была ориентирована дверью на восток. При расположении кроватей в юрте современных тувинов спящие лежат головой на север, если дверь обращена на восток, и головой на восток, если дверь обращена на юг.

¹¹ См. А. Д. Грач, Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве, «Сов. этнография», 1958, № 4; Р. Ф. Итс, О надписи на китайском зеркале из Тувы, там же.

зафиксировано 280 разнообразных памятников. Здесь нами исследовано погребение гунно-сарматского времени в ящике из плит под задернованной впадиной на поверхности (рис. 4). Ниже по течению Алаша, на правобережной его террасе, раскопано погребение скифского времени в ящике из каменных плит под простой каменной насыпью, а также коллективная усыпальница гунно-сарматского времени.

Отмечу заслуживающее большого внимания обстоятельство, что некоторые предметы бытового инвентаря из погребений тюркского времени хорошо увязываются с аналогичными предметами, бытующими у современных тувинцев. В одном из курганов, например, найден предмет, назначение которого было сначала неясно. Рабочие-тувинцы, раскапывавшие курган, сейчас же принесли из своих юрт современные конские волосяные путы, костяная застежка которых точно совпадает по форме с найденным предметом (рис. 5). Благодаря сопоставлению с этнографическим материалом, эта находка не попала в категорию предметов «неизвестного назначения». Железное тесло из кургана древнетюркского времени аналогично теслу, найденному в позднем впускном погребении, и современному, еще бытующему у тувинцев Монгун-Тайги. Стрелы-свистунки («поющие стрелы»), находимые в курганах, сохранились у тувинцев до наших дней. Эти аналогии можно было бы продолжить. Укажу только на один любопытный факт. В двух курганах тюркского времени найдены так называемые каменные пряслица, хотя они находятся в мужских погребениях. Рабочие же тувинцы, копавшие один из этих курганов в 1958 г., сказали В. П. Дьяконовой, что это «сага», т. е. биток для игры в бакки. Заинтересовавшись этим сообщением, В. П. Дьяконова записала от современных тувинцев Мугур-Аксы игру в бакки с битком именно такой формы, называемую «кажик адар». Биток делали в последнее время из кости или наскоро из сушеного сыра (хурут).

При исследовании экспедицией ранних археологических памятников кроме погребений выявлялись и изучались наскальные изображения и каменные бабы (найдено свыше сорока неизвестных в литературе каменных изваяний), из которых четыре вывезены в Музей антропологии и этнографии АН СССР; обнаружены четыре стелы с руническими тюркскими текстами, доставленные в тот же музей.

Следует отметить, что приведенные выше предварительная рабочая классификация и датировка археологических памятников содержат весьма спорные моменты. Покажу это на следующем примере. К ранним кочевникам гунно-сарматского времени отнесены каменные курганы, находящиеся, кстати сказать, рядом с курганом, в котором было обнаружено погребение древнетюркского времени с китайским зеркалом. Эти курганы настолько не отличаются по внешнему виду от соседнего «тюркского», что, приступая к их раскопкам в 1958 г., мы никак не предполагали обнаружить здесь совершенно новый, особый обряд захоронения. Было раскопано три таких кургана из этой группы. Погребенные в них лежали на спине в вытянутом положении (головой на запад), на горизонте; костяк был обложен камнями и плитами, образующими подобие ящика, над которым сделана каменная насыпь (рис. 6). Эти памятники отнесены к ранним кочевникам только по признаку ориентировки покойника головой на запад. Там нет никакого сопровождающего инвентаря, а разве ранние кочевники хоронили покойников без бытового инвентаря? Я думаю, с большим основанием можно предположить, что это захоронения манихейцев. Если это так, то датировка указанных погребений резко меняется (на тысячелетие позднее). Наше предположение опирается хотя и на косвенные, но все-таки существенные основания. Скажу о них коротко. Известно, что в конце VIII в. у уйгуров, живших в северной Монголии и Туве, распространилось манихейство, ставшее государственной религией. О манихействе свидетельствуют и рунические древнетюркские памятники, обнаруженные на территории Тувы. Мы знаем из трудов В. В. Бартольда, что манихейцы не хоронили покойников в земле. Мы знаем также, как широко использовало манихейство местные языческие культы, приспособлявая их к своей системе и в то же время приспособли-

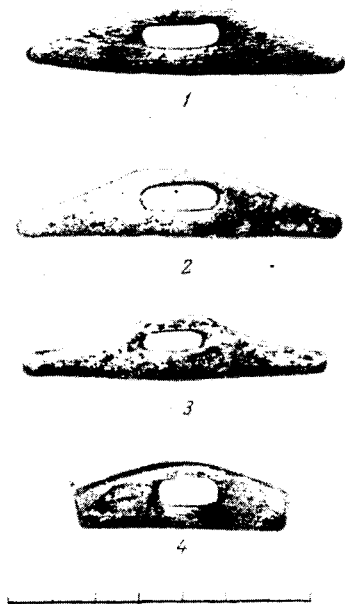

Рис. 5. Костяные застежки для волосяных пут: 1—3 — из древнетюркских погребений Монгун-Тайги; 4 — современная застежка

ваясь к ним. Этим можно объяснить, что допускалось сооружение каменного кургана над манихейским погребением. Но в землю покойника не зарывали, он лежал на горизонте. Ориентировка погребенного головой на запад, лежащего на спине в вытянутом положении, согласуется с манихейским (и вообще христианским) обрядом захоронения. Над этим стоит задуматься. Манихейцы жили на территории Тувы, и манихейские погребения не могут быть здесь для нас неожиданностью.

Что касается поздних погребений, исследование которых составляет одну из главных и специальных задач археологической работы нашей экспедиции, то таких погребений изучено пока мало, и поиски их велись недостаточно. Изучено семь погребений, характеристику которых я привожу по отчету, представленному В. П. Дьяконовой, ведшей также и этнографическую работу. Все поздние погребения впускные.

Рис. 6. Погребение в каменной обкладке на горизонте.
Монгун-Тайга

Они сделаны в каменных насыпях древних курганов. Из насыпи частично выбирали камни, затем в яму укладывали покойника и сопровождающий его инвентарь, а также погребаемых домашних животных, т. е. все то, что, по шаманским представлениям, понадобится покойнику в загробном мире. Сверху погребение накрывали настилом из жердей лиственницы, образующих как бы потолок погребальной камеры, и заваливали камнями, почти не нарушая формы древнего кургана. Хоронили так мужчин, женщин и детей. Инвентарь этих погребений довольно разнообразный и полностью совпадает (за исключением китайских монет) с современным бытовым инвентарем тувинцев Монгун-Тайги. В одном из женских захоронений (рис. 7) погребенная лежала на спине, в вытянутом положении, головой на восток. При ней найдены костяки двух лошадей и двух баранов. Из предметов быта сохранились: два чугунных котла (один китайского производства), медный ковшик, берестяное дно от деревянного сосуда, ручные каменные жернова, ножницы, ножик, игольник, огниво, мужской кожаный кисет и курительная трубка, кожаная подушка, кожаные сапоги, много китайских пастовых и других бус (подобрано 269 штук), 16 металлических подвесок от женских серег, китайские монеты с пробитыми в них отверстиями (для нашивания), части нижнего и верхнего седла, стремяна, пряжки от подпруг и удила. В. П. Дьяконова показывала вещи из этого погребения (как и из других) старикам и старухам, живущим

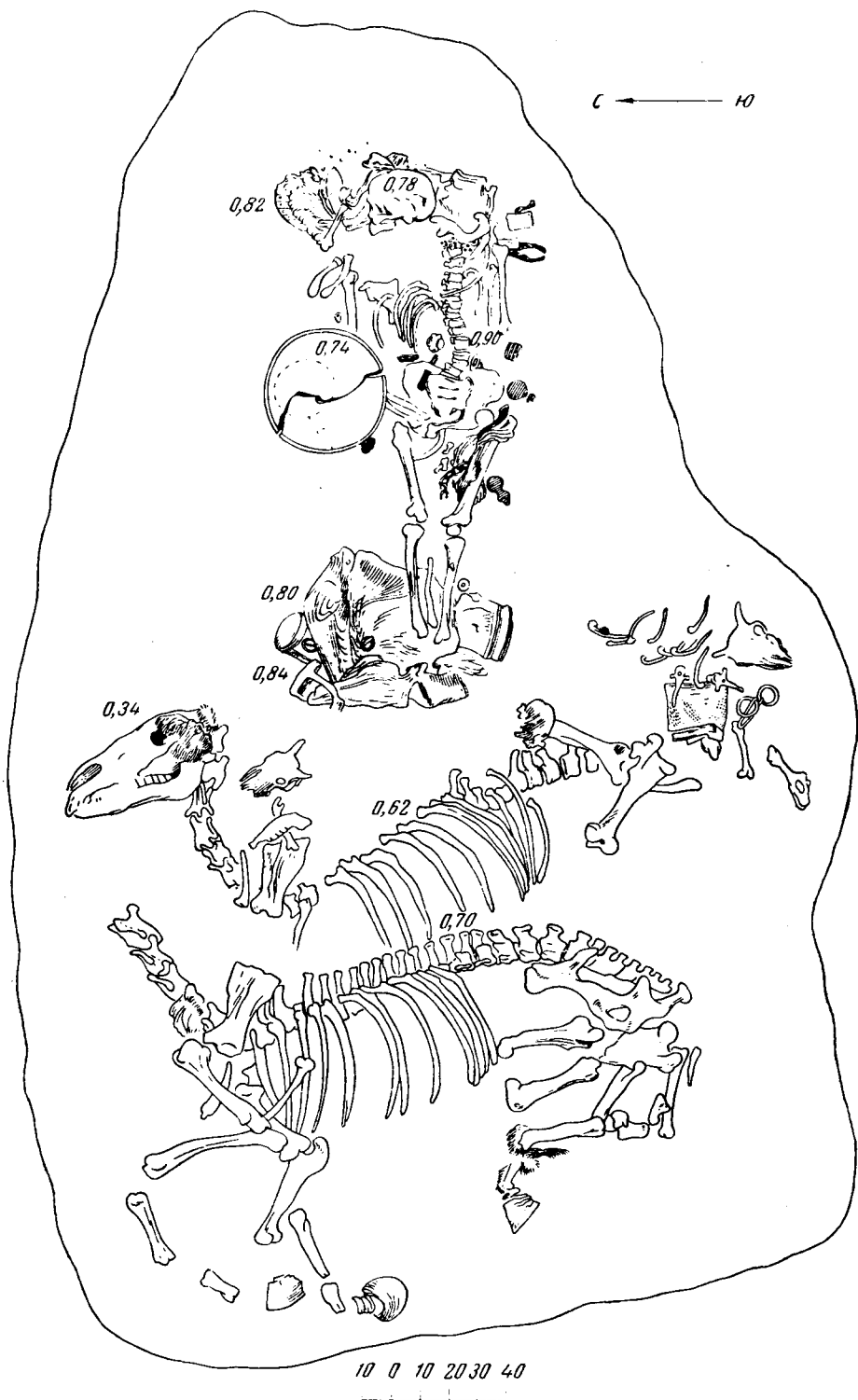

Рис. 7. План впускного погребения. Монгун-Тайга

в поселке Мугур-Аксы, близ которого велись раскопки, и получила весьма интересные сведения. Например, бабушка Анай Тонгак сразу же заявила, что это погребение вдовы, так как там оказались мужской кисет и трубка. По ее словам, трубку и кисет умершего мужа клали в могилу вдовы потому, что супруги на том свете должны встретиться и жена должна передать их своему мужу, сказав: «Вот я тебе принесла». Если умирал вдовец, с ним обязательно клали ножницы, шило, длинную иглу, чтобы он смог передать их жене. Другой пример. В детском впускном погребении в долине р. Карги никакого сопровождающего инвентаря не оказалось. Тувинцы объяснили, что поскольку ребенок этот был еще грудного возраста, то он ничего сам не мог делать, следовательно и в загробном мире ни в чем из вещей не нуждался. Таким же образом удалось получить объяснение подвески, состоящей из кольца и двух лопатообразной формы привесок. Бабушка Анай сказала, что это «чалгын-ок» — оберег

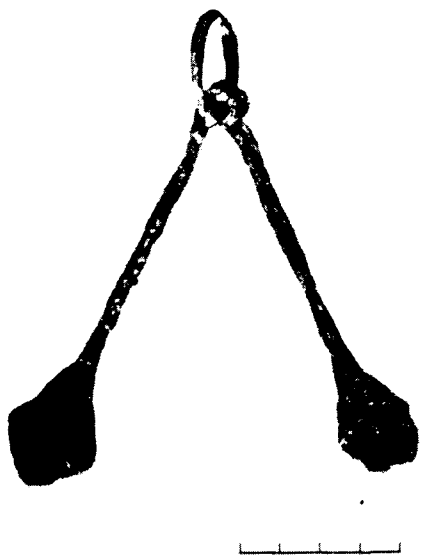

Рис. 8. Металлическая подвеска «чалгын-ок» из впускного погребения. Монгун-Тайга

нашей экспедиции, поэтому им и клали больше необходимых «на том свете» предметов. Что касается датировки, то изучавшиеся поздние погребения относятся к периоду не ранее конца XVII в. и не позднее 30-х годов XVIII в., судя по китайским монетам Цинской династии, чеканенным при императорах Ши-Цзун (1662—1725) и Шэн-цзу (1723—1737), как это определил Р. Ф. Итс. Верхняя граница датировки определяется более сложным путем и доводится для некоторых погребений до конца XIX в. Поздние археологические памятники — ценный вид исторического источника для изучения недавнего прошлого тувинского народа; исследование их является несомненным успехом экспедиции.

Мне остается указать на те научные задачи, которые стоят перед Тувинской комплексной экспедицией на ближайшие два-три года. В отношении дальнейших археологических исследований по ведущим проблемам, определяющим научный профиль экспедиции, я считаю целесообразным наметить ряд аспектов. Необходимо усилить изучение археологических памятников, характеризующих послетюркский период в истории Тувы, в первую очередь уйгурских, затем киданьских и монгольских. Роль уйгуров в этногенезе тувинцев и в истории культуры на территории Тувы явно недооценивается в наших исследованиях. Между тем, уйгуры сыграли, как я думаю, решающую роль в этногенезе современных тувинцев. Изучение памятников древнетюркского времени, конечно, нужно продолжить, но необходимо соблюдать разумную пропорцию. К настоящему времени на территории Тувы исследовано несколько десятков погребений древнетюркского времени (во всех районах Тувы, кроме Тоджинского и Каахемского). Кроме того, обнаружено много каменных изваяний и древнетюркских рунических текстов. Если к этому добавить большое количество древнетюркских рунических текстов из Монголии и других мест, а также китайские летописные изве-

(рис. 8), которым шаман лечил от болезни, называемой по-тувински «тартар аарыг». Больной повседневно носил эту подвеску на шубе или халате и снимал ее только на ночь, вешая на решетку юрты, у кровати. По словам Анай Тонгак, эту подвеску положили с покойницей для того, чтобы она на том свете не болела. В этом же женском погребении была найдена перламутровая пластинка овальной формы с двумя небольшими отверстиями. Эта пластинка была определена и названа по-тувински «тана» (рис. 9). Ее нашивали на женское наконечное украшение «чабага» и считали обладающей лечебным свойством. При болезни глаз (каракка чуве тужер) с нее соскребали немного порошка и присыпали им больное место. Это нельзя не сравнить с тем, что писал В. Вербицкий о лечении глаз у алтайцев: «...Пускают в глаза порошок из перламутра с красным отливом (тынду тана)»¹².

Заканчивая сообщение о поздних памятниках, я хотел бы упомянуть об интересном наблюдении В. П. Дьяконовой: сопровождающий инвентарь более полно представлен в женских погребениях. По ее мнению, это объясняется тем, что круг обязанностей по домашнему хозяйству у женщин-тувинок был больше, чем у мужчин. Женщины при жизни имели больше хозяйственного и бытового домашнего инвентаря и укра-

¹² В. Вербицкий, Алтайцы, Томск, 1870, стр. 174.

тия, то станет ясно, что мы уже располагаем значительным источниковедческим материалом для освещения этого периода. Плохо только то, что мы изучаем древних тюрков вообще и пишем о них также вообще, как бы забывая, что в древнетюркское время в восточной части Центральной Азии на исторической арене выступали по крайней мере две конфедерации племен, именуемые в китайских источниках «тугю» и «теле». Мне кажется, что в связи с изучением этногенеза тувинцев, следует обратить особое внимание на объединение теле, ядро которых составляли уйгуры. Нельзя забывать показание китайской летописи о том, что теле, имея полное сходство в культуре с тюрками-тугю, хоронили покойников в земле¹³, тогда как тугю сжигали трупы и сопровождающий покойника инвентарь. Мы как раз исследуем захоронения, относящиеся к древнетюркскому времени, сделанные в земле. Мне могут напомнить, что я едва ли не первый обратил внимание на то, что тюрки при кагане Хели переходили к обряду трупоположения, следовательно, у тугю этот способ захоронения сосуществовал с трупосожжением. Поэтому погребения в Туве древнетюркского времени одинаково могут быть приписаны и тугю. Я должен заметить, что в китайских источниках Танской династии, относящихся к восточным или северным тугю, действительно содержатся любопытные для нас сведения. В Таншу в разделе, освещающем события 628 г., приводятся следующие слова китайского императора Тайцзуна о тугю в годы владычества над ними Хели-кагана: «То, что они своих покойников, которых по их обычаям следует сжигать, теперь хоронят и сооружают могилы, показывает, что они поступают вопреки предписаниям своих предков и оскорбляют духов»¹⁴. Когда Хели-каган, перешедший вместе со своими тугю в подчинение Китаю, умер (634 г.), император, как говорится в «Кю Таншу» (Kiu-Tang-schu), приказал его соотечественникам похоронить его в соответствии со своими обычаями, и родственники и приближенные «сожгли труп своего кагана в местности восточнее реки Па»¹⁵. Следовательно, еще в первой трети VII в. тугю и сжигали своих покойников, и хоронили в земле. Что же касается кагана западных тюрков, то, по сообщению Табари, их тела предавали сожжению и позднее (даже в первой половине VIII в.) и оплакивали их, царапая себе лицо и надрезая уши¹⁶. Относительно теле источники говорят только о захоронении в земле.

Важные данные о роли уйгуров-теле в этногенезе тувинцев содержат такие известные факты, как сохранение в родоплеменном составе тувинцев группы «уйгур», и то, что современный тувинский язык во всех тюркологических классификациях отнесен в одну группу с уйгурским. Следы конфедерации племен теле сохранились в современном этническом составе населения Тувы и Алтая, что находит отражение в ряде этнонимов, в основе которых лежит термин теле: телек — у тувинцев, телеут, телес, теленгит — у алтайцев: «Современные китайские историки, — пишет Лю Мао-Цай, — сообщают, что T'ie-le назывались также Tsch'i-le. Первоначально они назывались Ti-li, а затем Ting-ling. Во времена Северных Вэй (386—534) они были известны под именем Kao-kü — высокие повозки, которое они получили благодаря устройству повозок»¹⁷. Этимологию термина теле теперь связывают с тюркско-монгольским словом *telegen*, *terge*, *tergen*, также означавшим «повозка»¹⁸. Замечу также, что европеизм в антропологическом типе погребенных из курганов древнетюркского времени в Туве — весьма интересный факт. Это тоже обязывает нас более углубленно заняться вопросом о конфедерации теле, в которую проникали согдийские этнические элементы с запада и которая, вероятно, была связана с динлинскими племенными включениями. Словом, на современной ступени развития нашей науки нас уже не может удовлетворить для решения проблемы этногенеза тувинцев столь широкое и, можно сказать, неопределенное понятие как древние тюрки вообще. Наши археологические работы в Туве должны быть направлены на более конкретное определение памятников древнетюркского времени.

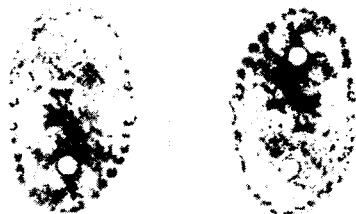

Рис. 9. Перламутровая пластинка «тана» из впускного погребения. Монгун-Тайга

¹³ Д. Позднеев, Исторический очерк уйгуров, СПб., 1899, стр. 41.

¹⁴ Liu-Mau-t'ai, Указ. раб., т. I, стр. 193.

¹⁵ Там же, стр. 145.

¹⁶ См. А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пянджикентских храмов), «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 82.

¹⁷ Liu-Mau-t'ai, Указ. раб., т. II, стр. 491—492, примеч. 24. Автор сообщает, что это мнение защищает также Haenchen-Helfen (см. его работу «The Ting-ling» в «Harvard Journal of Asiatic Studies», т. IV, 1939).

¹⁸ См. Boodberg. Three notes of the T'u-chüeh Turks, «Semitic and Oriental Studies, University of California Publications in Semitic Philology», т. XI, 1951.

Наконец, определяя главные задачи дальнейшей работы экспедиции, нужно подчеркнуть, что исследование поздних памятников должно быть усилено и тоже ориентировано на более точные этнические определения. Здесь также важно обратить внимание на антропологический материал, а по этнографической линии — на изучение всех видов погребального обряда, существовавших совсем недавно, о которых в литературе нет почти никаких сведений, но которые еще помнит старшее поколение современных тувинцев.

Таким образом, этногенез и история тувинцев остаются ведущими для экспедиции проблемами. Но в связи с решительным курсом советской исторической науки на усиление темпов и расширение объема разработки проблем, связанных с практикой строительства коммунизма в нашей стране, Тувинская экспедиция должна внести на своем скромном участке работы посильный вклад в это общее дело. Мы включимся в активное изучение современной социалистической культуры и быта тувинцев, примем участие в написании второго тома истории Тувы, охватывающего период от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Исследование этногенеза тувинцев мы дополним изучением пути современного национального развития тувинского народа, который перешел к коренной реконструкции экономики и культуры на социалистических основах на четверть века позднее, чем остальные народы СССР. Эти изменения в тематическом плане экспедиции, являющиеся откликом на решения XXI съезда КПСС, мы отразим в ежегодных программах полевой работы. В эту работу будут включены все научные сотрудники экспедиции.
